

К 30-ЛЕТИЮ ОСВОЖДЕНИЯ ЮЖНОГО САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ ОТ ЯПОНСКИХ МИЛИТАРИСТОВ

НА ЗЕМЛЕ ОБЕЛИСКОВ

Прошло тридцать лет. Состарились, поседели ветераны былых боев. Выросли их дети. Теперь уже они, а не отцы стали сверстниками героев. Потом станут сверстниками внуки. А они, Антон Буюклы, Леонид Смирных и сотни других солдат, чьи имена высечены на каменных обелисках, будут все так же молодо и гордо шагать в одном строю с ними по земле, за счастье которой заглятали самой высшей платой — своей жизнью. И будет им вечная память и вечная слава.

2. МОЙ ДОРОГОЙ КОМБАТ

Федор БЕРЕЗОВСКИЙ, старшина батальона капитана Леонида Смирных.

— Нас здесь много, тех, кто освободил Южный Сахалин, — рассказывает Анатолий Федорович Волотников, председатель Оюорского сельсовета. — Один езде до войны жил на Сахалине, другие остались на острове после демобилизации. Работы ведь было — край непокатый. Вот мы, бывшие солдаты, и занялись рукавом. Теперь состарились, и вот уже ходят за другим на пенсию уходят. Кстати, вы не знакомы с Березовским? Обязательно пообщайтесь с ним. Он хорошо знает Смирных, не раз лично от него получал боевые задания. И погиб комбат на его глазах.

...Он живет пансионатом от Соколова. Чистенький, беленький домик, уютно устроен в зелени, уютный прибран-

— Это хорошо, что люди интересуются, не забывают. Нельзя об этом забывать. Пусть помнят и внуки, и правнуки. Пусть почаще задумываются.

Рассказывал он тихо, неторопливо, словно доставал одно за другим воспоминания, аккуратно разложившие по полкам памяти.

Война настала Березовскому в военной форме. Только собрался демобилизоваться. Но так вышло, что служба затянулась еще на целых четыре года.

Их, старослужащих, тут же направили в полковую школу — Сахалинской дивизии требовались командиры. Закончил ее и был назначен старшиной роты.

Стояли у самой границы. Японцы остерегались действовать открыто, зато нередко устраивали всякие каверзы: то вдруг ракетами небо начнут полосовать, то пальбу в белый свет затеют, то просто какой-то сумасшедший прохот учинят. Вроде бы страху нагоняют на наших. А наши только посмеивались: это, мол, они с перепугу. Сама, небось, дрожат от страха.

Года за три до конца войны в батальон, где служил Березовский, прибыл новый командир. Насыщены у нем были многие. Раньше он командовал взводом в кавалерийском эскадроне. Бойцы в нем души не чаали. А его храбрости ходили легенды.

Вначале он показался

очень строгим, даже резким. Впрочем, таким он и был в действительности, но строгость комбата Смирных диктовалась справедливостью. Он был резок с разгильдяями, беспощаден к трусам, нарушителям дисциплины, но зато очень ценил в солдатах воинскую смекалку, находчивость, разумный риск, умение владеть оружием. Таких он берет в деле. И что главное — он знал в лицо каждого бойца, знал, что у кого делается дома. Очень любил слушать солдатские письма. Присядет, свернет цыгарку, спросит:

— Ну, что там на дому пишут? Может, помощь, какая-нибудь нужна маме? Семьи фронтовиков ни в чем не должны терпеть нужды.

— Ну какие же мы фронтовики, — в сердцах ответил однажды Федор Дмитриевич. — Фронтовики на фронте сражаются, а мы только «ать-два» и с котлетками — на кухню.

— Эх ты, старший старшина! — грустно усмехнулся комбат (так он его часто называл в шутку). — Сколько лет прослужил в армии, а что такое привал, оказывается, до сих пор не усвоил. Думаешь, мне легко? По ночам зубами скриплю, особенно когда наши очередной город осегают. Так бы и побегал, зубами бы рвал проклятых. Но я солдат и должен стоять там, где меня поставили. Ты тоже запомни: об этом тем, кто командование заваливает рапортами. Ни к чему это.

Смолчал старшина, хотя и знал, что сам комбат написал уже не один рапорт. Не осуждал. А за что тут осуждать, ведь не в тыл же люди рвутся — в бой.

Забавно, что не было, пожалуй, в батальоне человека, который не старался бы водить на любимого командира. Перенимали походу,

манеру разговаривать. Если б сказал комбат кому-то: иди в огонь! — шагнул бы не раздумывая.

Загаюнул Березовский в одно из освещенных окон. И ахнул: такая удача! Там, на кухне, как раз завтрак расплаывался. Старшина стал считать чашки с рисом. Видит: на отдельные подносы другую посуду ставят, побольше. Явно офицерам. Так. Отлично.

— Задание выполнено, — вернувшись, доложил он. — Там восемьдесят человек. 61 солдата и 16 офицеров.

— Тебе что, сами японцы об этом доложили? — изумился комбат, а узнав, в чем дело, чуть палец не сломал, так стиснул: — Представлю к награде. Сразу же после боя. (Он сдержал слово. Старшина получил медаль «За отвагу»).

— Вот и наступил наш час, дружок, — сказал он. — Советская армия выиграла агрессора на западе, а теперь предстоит это сделать на востоке. Там, за неистовыми крикостями, описавшими границу, родная, исконно русская земля. Она зовёт нас. И мы освободим ее, чего бы это нам ни стоило.

— Мы понимаем, что много из нас подстергает смерть, — вспоминает Березовский. — И тем не менее все врывались в бой.

...На рассвете батальон перешел границу. Был получен приказ уничтожить японский гарнизон в Муике. Перед этим капитан Смирных задержал Березовского: — Назначю тебя командиром взвода нештатной разведки. Ты парен, опытный. Пойдешь вперед.

Все релала внезапно: удар. Поэтому продвигались, соблюдая предельную осторожность. Метрах в пятистах от казарм батальон остановился, а Федор и еще четверо бойцов пополнили комбата; идти в обход на Харамитогский укреплен-

ее с остервенением. Расчленили широкий проход, моментом подобрались к помещению.

Загаюнул Березовский в одно из освещенных окон. И ахнул: такая удача! Там, на кухне, как раз завтрак расплаывался. Старшина стал считать чашки с рисом. Видит: на отдельные подносы другую посуду ставят, побольше. Явно офицерам. Так. Отлично.

— Задание выполнено, — вернувшись, доложил он. — Там восемьдесят человек. 61 солдата и 16 офицеров.

— Тебе что, сами японцы об этом доложили? — изумился комбат, а узнав, в чем дело, чуть палец не сломал, так стиснул: — Представлю к награде. Сразу же после боя. (Он сдержал слово. Старшина получил медаль «За отвагу»).

Окружили гарнизон и ударили. Бой был недолгим. Врвг даже опомниться не успел.

А на следующее утро проводники из местных повели батальон в обход на Котон.

Тем, кто выжили, бой за этот плацдарм запомнился на всю жизнь. Сталина переходила из рук в руки несколько раз. Трудно было понять, где земля, а где небо; сплошной огонь.

Комбата видели везде. Показались, как он мог выстрелить, где в эту минуту труднее всего, и устремлялись туда. Казалось, что он зыг ворен. Ни пули, ни осколки его не брели. Вот уж поистине «смерлого дуля боится».

Нобуду отразили бурью. Они тогда еще не знали, что Котон в их честь так и назовут: Нобудито. В те дни коммунист Березовский исполнял обязанности командира роты. Они только что выслушали приказ комбата; идти в обход на Харамитогский укреплен-

он, где уже шли яростные бои.

— Задача ясна? — спросил Смирных. — Прощу повторить. — А вот книгу головой! — Все, можете отправляться к себе.

Он был необыкновенно красив в эту минуту. Статный, подтянутый, с биндюком на груди, выстрелом, плащешкой. И с широкой улыбкой на лице. Радость победы.

— Итог, кажется комиссар Зеленин, предложил комбату трофейную сигарету.

— Да ну ее, дерьмо. Я лучше свою, солдатскую, — ответил он, скручивая «козыжку».

И тут же рухнул на землю. Японский снайпер не промахнулся: попал в самое сердце.

«Кукунку» тут же засекли и снайпа. Но чего стоили тысячи «кукунок» по сравнению с комбатом!

Никто не плакал, хотя каждому хотелось криком кричать от боли. Шли вперед молча, а командиры несли с собой.

Между тем, дело уже шло к концу. Едва батальон преодолел первый бой на Харамитог, как самураи заявили о капитуляции.

После воевали у Порооя, в Леонидово, как потом в честь похороненного здесь комбата был назван поселок, дошли до Корезкова. Там, в сентябре, и отразили победу.

В армию Федор Дмитриевич ушел из Дербинского. Туда же и вернулся, провозглашен с боевыми друзьями. Райком партии направил его в обобщен. Но вскоре вышла работа по спецназначению, и он переехал на место прежней службы, в Абрамовку, начальником электростанции. Проработал там 12 лет, а снова пришлось пере-

нять прописку: пригласили в лесопрохоз на должность старшего механика лесопункта.

— Тут я и застрял, — рассказывает Березовский. — На Семиречье работал, потом — на Северной Хандзе. Последние десять лет был бессменным секретарем первичной парторганизации.

Что можно сказать о послевоенных годах? А то, что нынче Смирныховский район (простите, каждый раз, когда я произношу имя комбата, сердце сжимается) дает чуть ли не треть древесины, вырабатываемой в области. А начинали на пустом месте, деловыми методами. С годами приходила техника, все сложнее и мощнее, применялась новая технология, оттачивалась мастерство людей. То, что когда-то наш леспрохоз заготавливал за месяц, сейчас делаем за день. Одним словом, откровенно с комбатом!

Никто не плакал, хотя каждому хотелось криком кричать от боли. Шли вперед молча, а командиры несли с собой.

— Был он недавно в поселке Смирных. Простоял перед памятником комбату. Подумал: «Если бы ты видел, мой дорогой командир, какая жизнь расцвела по эту сторону пятидесятой параллели, ты бы поразился за нас. Слышишь, комбат, та наша сияющая война была последняя. Вот уже 30 лет над нами не греют взрывы. Дело, за которое ты погиб, в верных руках».

Я задаю последний вопрос: о детях. Федор Дмитриевич смеется:

— Наши судьбы с Советскими схожи. Но в этом отношении он меня обставил. У него одиннадцать, а у меня — только десятеро, пять сыновей и дочь. Все уже взрослые, живут отдельно. Чего-то здесь, в Оюорах. Запишите адреса...

Г. ПАРУН.